

СВЯЗИ СУБЪЕКТА И ОБЪЕКТА С ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКОЙ ПРЕДИКАТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

Вступительные замечания

В изучении проблематики межкатегориальных связей наметились по крайней мере две тенденции.

1) Первая тенденция делает акцент на анализе взаимодействия категорий одной и той же части речи [Бондарко 1976; Ермолаева 1991; Ревзин 1969; Храковский 1990а; Ярцева 1975]. При этом может преобладать интерес к формально-структурному соотношению грамматических категорий (ГК) [Ревзин 1969а], или же могут учитываться как формальная, так и содержательная стороны взаимодействующих категорий [Ярцева 1975а]. Важно, что объединяющим началом данной тенденции является внимание прежде всего к «внутрисистемным» отношениям, к связям категорий как элементов единого комплекса, масштабы которого обусловлены и заданы соответствующей частью речи.

2) Вторая тенденция обнаруживает стремление к анализу взаимодействия категорий со всем содержанием высказывания в целом [Апресян 1985; Бондарко 1971; Булыгина 1980; Сопряженность глагольных категорий 1990]. При этом могут достаточно подробно и глубоко обсуждаться вопросы внутрисистемного «сцепления» ГК, однако специально рассматриваются также и внешнесистемные связи комплекса соответствующих категорий.

Вторая тенденция не противоречит первой, отличаясь от нее лишь шириной подхода и стремлением рассмотреть системные аспекты группировки категорий с различных сторон. Поэтому границы между указанными тенденциями можно считать в определенной мере условными. В то же время сама цель учесть при изучении комплекса ГК не только внутрисистемные, но и внешнесистемные связи представляется естественной и обоснованной. Она позволяет включить в объект исследования связи категорий различных частей речи, например, связи залога и падежа (см. [Пупынин 1991; Храковский 1990а]), вида глагола и числа имени [Козинцева 1991; Langacker 1987]. Кроме того, такой путь дает возможность изучать также связи категориального комплекса с различными типами синтаксических конструкций.

Включение внешнесистемных связей категорий предиката в объект исследования межкатегориальных отношений требует разграни-

* © Ю. А. Пупынин, 1996

чения по меньшей мере двух уровней (аспектов, направлений) в области межкатегориального взаимодействия. Анализ внешнесистемных связей относится прежде всего к синтаксическому уровню — уровню синтаксических конструкций. В этом случае предикат вместе со всем своим грамматическим (и лексическим) содержанием рассматривается как важный, но не единственный компонент синтаксической конструкции, как составная часть субъектно-предикатно-объектных отношений. При этом возможно и даже целесообразно интерпретировать предикат как категорию более высокого порядка, по отношению к которой грамматические (морфологические) категории вида, залога, наклонения, времени, лица выступают как ряд (система) признаков. Развивая такое направление анализа и трактуя субъект и объект как категории более высокого порядка по отношению к грамматическим (морфологическим) категориям падежа, числа и рода, можно утверждать далее, что на уровне синтаксической конструкции в центре внимания находятся межкатегориальные связи типа Субъект—Предикат—Объект. Однако конкретная репрезентация Субъекта, Предиката и Объекта происходит при участии соответствующих ГК более низкого порядка, и поэтому последние не исключаются из рассмотрения, хотя и не являются начальными точками отсчета в процессе анализа (см. схему).

Субъект	Предикат	Объект
падеж, число, род	вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род	падеж, число, род

Субъектно-предикатно-объектная семантика реализуется в конструкции, включающей в себя морфологические формы и типовые синтаксические отношения между ними. Поэтому синтаксический уровень межкатегориальных связей хотя и является в данном случае доминирующим, но включает в себя проблематику как «внешнесистемного», так и «внутрисистемного» взаимодействия. И, напротив, внутрисистемные (собственно взаимные) связи ГК предиката нельзя отнести исключительно к морфологическому уровню, хотя можно признать его в определенной степени доминирующим (особенно в области парадигматических связей между категориями). Дело в том, что система глагольных категорий предиката выступает в процессе функционирования не изолированно, а во взаимодействии со своим окружением — средой (о лингвистической интерпретации понятия системы и среды см. [Бондарко 1985]). Одна из разновидностей среды для системы глагольных ГК представляет собой различные типы синтаксических конструкций, в которых реализуются соответствующие глагольные формы. Существуют также и другие типы среды, в частности речевая ситуация и контекст. Поэтому анализ системно-категориального содержания предиката должен включать в себя изучение отношения данного содержания к соответствующим средам, поскольку только таким путем возможно получить достаточно полное представление о системе глагольных ГК.

Рассмотрим подробнее проблемы реализации межкатегориальных связей Субъект—Предикат—Объект.

Системно-категориальное содержание предиката в отношении к субъекту и объекту

Грамматическое содержание предиката как компонента синтаксической конструкции выполняет существенную (если не определяющую) роль в характеристике других компонентов, в частности таких, как субъект и объект. Так, чтобы квалифицировать семантику существительного как субъектную, недостаточно морфологической формы в именительном падеже, выступающей в синтаксической позиции подлежащего. Окончательное решение вопроса зависит от квалификации грамматической формы предиката как активной или пассивной, поскольку с этим связан вопрос об активности / пассивности синтаксической конструкции в целом. Одна и та же словоформа имени может выступать как субъектная, например: *Пароход совсем уже подтянулся к пристани* (А. Куприн), — или как объектная, ср.: *В Самаре пароход очень долго разгружался и нагружался* (А. Куприн). Центральное положение предиката в синтаксической конструкции позволяет поставить вопрос о варьировании субъектной и объектной семантики в зависимости от его системно-категориального содержания. Учет субъектно-предикатно-объектных связей позволяет представить как субъект, как и объект в комплексе с точки зрения их синтаксической, морфологической, семантической специфики. Рассмотрим эту проблему подробнее, опираясь на следующие признаки: 1) обусловленность реализации субъекта (С) и объекта (О) определенным типом синтаксической конструкции; 2) отношение к ситуации речи; 3) степень семантической специализации; 4) характер референтной отнесенности.

Субъектно-объектные отношения и типы синтаксических конструкций

Обусловленность реализации С и О определенным типом синтаксической конструкции — это наиболее существенный признак, с которым так или иначе связаны все остальные. Он и наибольшей степени обусловлен системно-категориальным содержанием предиката, и прежде всего его залоговым значением.

Различия в обусловленности С и О типом синтаксической конструкции опираются на следующие факты:

а) С в сочетании с любыми типами О может встречаться только в активной конструкции (АК) русского языка. Например: «С — прямой О»: *Коврин получил самостоятельную кафедру* (А. Чехов); «С — партитивный («частичный») О»: *...Кто хлеба, то щец даст похлепать, кто и поднесет* (А. Чехов); «С — О-бенефактив — прямой О»: *Егор качнулся вбок и подставил Коле ногу* (В. Шукшин) и т. д.

б) В пассивных конструкциях (ПК) С может встретиться почти со всеми типами О, за исключением приглагольного партитивного О. С и прямой О выступают в пассивной конструкции в иных синтаксических позициях, чем в активной конструкции, однако их реализация не встречает препятствий, например: *Приказ подписан дирек-*

тором. Что же касается партитивного О, а также некоторых других типов О, выражаемых формой приглагольного родительного падежа, то они в ПК не встречаются, поскольку форма приглагольного родительного, как правило, «запрещается» особенностями ПК (ср., однако: *Согласно новому закону теперь они лишаются прежних привилегий*).

в) Наконец, в безличных конструкциях (БК) возможности передачи субъектно-объектных отношений еще более ограничиваются. В особенности это касается субъектного содержания, поскольку в БК отсутствует типовая позиция для его реализации — позиция подлежащего. На наш взгляд, БК занимает особое место в системе средств реализации С и О. Так, в высказываниях типа *Мне холодно* словоформа в дательном падеже обнаруживает в своем содержании как объектные, так и субъектные семантические элементы. Субъектные элементы поддерживаются в данном случае смысловой близостью с высказыванием *Я замерз*, а также средствами актуального членения, а объектные элементы опираются на морфологическую форму дательного падежа и синтаксическую позицию дополнения (здесь имеется в виду объект-бенефактив, или, в более традиционной терминологии, объект-адресат). Сочетание элементов субъектного и объектного содержания в семантике одной и той же словоформы, выступающей в одной и той же синтаксической позиции, представляется парадоксальным. Однако это противоречие снимается, если обратиться не к понятийному аспекту содержания С и О, а к функционально-семантическому его аспекту. Иными словами, необходимо рассмотреть содержание С и О в их конкретно-языковом структурировании, т. е. как содержание, опирающееся в русском языке на систему конкретных синтаксических средств, морфологических форм, лексико-грамматических и лексических разрядов. В этом случае становится ясным, что понятия С и О в их конкретно-языковом воплощении совсем не обязательно должны реализоваться с достаточной четкостью во всех без исключения синтаксических конструкциях русского языка. Ядро системы их реализации составляют активные и пассивные конструкции, между тем как БК выступает на периферии данной системы и не является специализированным синтаксическим средством для выражения субъектно-объектных различий. Лишь по аналогии с АК и ПК (под влиянием ядра системы) исследователь стремится обнаружить элементы С и О в их различии, т. е. в том виде, в каком они обычно встречаются в более частотных АК. Однако БК имеет принципиально иную функциональную задачу: выразить отношение протекающего в определенной среде признака (процесса, состояния) к зависимым от него субстанциям (см. подробнее [Пупынин 1992]).

Подчеркнем еще раз: субъектно-объектное различие в БК не находит опоры для своего выражения внутри конструкции. Лишь опосредованно, в сопоставлении с другими синтаксическими конструкциями в БК можно выделить субъектные и объектные семантические элементы частного характера, которые, однако, могут при этом выступать в причудливом и парадоксальном переплетении. Если при анализе БК опираться непосредственно на понятийно-логический аспект содержания С и О, то тогда в случаях типа *Больного знобит*,

Мальчику не спится действительно обнаруживаются субъектные элементы в содержании именного компонента. Если же рассматривать С- и О-содержание в комплексе, во всей сложности, то отчетливо выступают также и объектные элементы (прямой объект и бенефактив). Ср. также сочетания элементов С- и О-содержания в БК типа *Улицу занесло снегом, Березу сожгло молнией*, где дополнение в форме творительного падежа выражает семантические признаки орудия, причины и субъекта действия [Бондарко 1978: 59—61]. Отметим, что, не выражая специально субъектно-объектного различия, БК способна благодаря этому реализовать такие разновидности содержания субъектно-объектного комплекса, которые невозможны в АК и ПК.

Из сказанного следует, что субъектное и объектное содержание в своем отношении к различным типам синтаксических конструкций характеризуется определенной обусловленностью. В наибольшей степени свойство обусловленности характерно для субъектного содержания АК. Основным, центральным средством для реализации С является АК. Разумеется, АК также могут быть дифференцированы с точки зрения выражения С; некоторые АК существенно ограничивают семантику С, ср., например, односоставные неопределенно-личные конструкции типа *Вокруг молчали*. Однако в целом для АК свойственна «грамматически привилегированная», базисная позиция подлежащего [Кеenan 1976; Козинский 1983: 3—6], которая является типовой для реализации С в данной конструкции. ПК выступает как менее регулярное средство для выражения С (подробнее о различии С-содержания в ПК и АК см. [Пупынин 1988]). И, наконец, периферийным средством для выражения С является БК, в которой не имеется ни одной синтаксической позиции, реализующей субъектное содержание с какой-либо регулярностью и обязательностью. Если охарактеризовать графически отношение С к признаку обусловленности типом синтаксической конструкции, то следует выбрать знак «+».

Объект обладает меньшей степенью обусловленности в своем отношении к типам синтаксических конструкций. В АК реализация О опирается на достаточно жестко связанные с выражением объектного содержания формы косвенных падежей. В ПК, в которой, как уже говорилось, «запрещен» партитивный объект (конструкции типа *Посуды разбито на тысячу рублей* мы относим к безличным), тем не менее реализация большинства типов О в целом вполне возможна, а центральный тип О — прямой О — получает для своего выражения «грамматически привилегированную» позицию подлежащего. И наконец, в БК, в которой субъектно-объектное противопоставление выступает в слабой форме, реализующиеся предметные значения ближе к объектным, чем к субъектным. Дело в том, что, утратив синтаксическую позицию подлежащего и соответствующую ей форму именительного падежа, БК способна включать в себя практически все формы косвенных падежей, которые являются базовыми средствами реализации именно объектных, а не субъектных значений. Поэтому семантической основой значения именных компонентов БК выступает именно объектное содержание, а субъектные элементы проявляют себя как своего рода наслоения, реминисценции (хотя порою, при поддержке средств актуального синтаксиса, достаточно яркие и сильные). Графической характеристике отношения О к признаку

обусловленности типом синтаксической конструкции будет соответствовать знак «±».

Отношение С и О к ситуации речи

В ситуации речи наиболее тесно связанными с реализацией субъектного и объектного содержания являются ее непосредственные участники, т. е. говорящее лицо и слушающее лицо. Что же касается момента речи и места речи, их связь с субъектно-объектным противопоставлением представляется менее очевидной.

С и О определенным образом различаются в своем отношении к участникам ситуации речи. Для С соотнесенность к говорящим лицом и слушающим лицом является регулярной и обязательной. Можно говорить о высокой степени грамматикализации данной соотнесенности, поскольку в ее реализации может участвовать не только местоименный компонент поля персональности, выступающий в позиции подлежащего, но и личная форма предиката, например: *Я поклоняюсь вам!* (А. Солженицын). При отсутствии формального выражения субъекта именно предикат способен дать ему дейктическую характеристику, как, например, в определенно-личных конструкциях: — *Приду*, — *девушка улыбнулась* (В. Шукшин); — *Адрес-то знаешь?* (В. Шукшин). В случае употребления форм прошедшего времени или сослагательного наклонения, не эксплицирующих личную граммему, дейктическая ориентация субъекта остается обязательной, хотя опирается уже лишь на местоименный компонент персональности, ср.: *(Лаура). Ты мимо шел случайно И дом увидел* (А. Пушкин). Дейктически ориентирован субъект, представленный подлежащим-существительным, поскольку последнее является «однофункциональным» местоимению 3 л., которое специально сигнализирует о несовпадении субъекта с кем-либо из участников речевой ситуации, например: *К концу 1921 года Белый добрался до Берлина* (В. Ходасевич). Таким образом, С всегда дейктически ориентирован, и его отношение к рассматриваемому признаку графически выражается знаком «+».

Соотнесенность О с участниками речевой ситуации не носит столь регулярного и обязательного характера, что выявляется в отсутствии предикатной грамматикализации такой соотнесенности. В русском языке нет специальной «персональной» координации между формой глагола и объектом (ср. наличие субъектного и объектного личного спряжения глагола в эскимосском языке [Вахтин 1987: 8—9]). В принципе О может выражать соотношение с участниками речи и практически выражает его с помощью лексических элементов своего содержания, например: *Ты спишь ли? Гитарой Тебя разбужу* (А. Пушкин). Однако даже в случае ПК, где центральный объектный тип — прямой О попадает в «грамматически привилегированную» позицию подлежащего, возможности предикатной грамматикализации такого соотношения в русском языке ограничены, и пассивные формы 1 и 2 л. глагола встречаются чрезвычайно редко. Таким образом, дейктическая ориентация О, в отличие от С, должна быть охарактеризована знаком «±».

Степень семантической специализации С и О

Под семантической специализацией в данном случае понимается способность С и О выполнять определенные «семантические роли»: агенса, бенефактива, инструмента и т. д., т. е. способность С и О к семантическому варьированию. С субъектом обычно связываются следующие роли: деятель (субъект действия, агенс) и носитель состояния, например: *Володька вскочил на ноги, побежал к речке* (Ф. Абрамов), — ср. *Гравер сидел на кровати у Сологодина* (А. Солженицын). Иногда с субъектным содержанием связываются также и более частные случаи, например, субъект признака (качества): *Места в Забайкалье красивые* (Б. Екимов); субъект классификации: *Бульвар — место общественного гулянья* (А. Ремизов) [Золотова 1982: 136—138].

Приведенный перечень может быть расширен, ср., например, такие разновидности субъекта, как С существования: *Есть еще кулички, называемые курахтанами* (С. Аксаков); С отношения: *Люблю отчизну я, но странною любовью* (М. Лермонтов); С восприятия: *У левой ноги она чувствовала что-то теплое и лохматое. Это был Бегемот* (М. Булгаков) (см., в частности, подробный список семантических вариантов субъекта в работе [Арват 1976]). Однако подобная специализация целиком определяется конкретным содержанием признака, выраженного в предикате. Иначе говоря, все эти варианты в пределах активной конструкции объединяются более общим, родовым понятием «носитель признака» и не связаны с какими-либо различиями в морфологической представленности субъекта.

Набор морфологически обусловленных ролей (семантических типов) объекта представляет собой более обширный список. Например, объект-инструмент (или, шире, объект-средство): *Все пространство с середины улицы до ворот и потом по двору до крыльца было посыпано свежим песком* (А. Чехов); комитативный объект: *Манюся ехала рядом с Никитиным* (А. Чехов); прямой объект: *Володька скомкал записку* (Ф. Абрамов); партитивный объект: *Когда ехали мимо загородного сада, кто-то предложил заехать и выпить сельтерской воды* (А. Чехов); объект-бенефактив: *Князь подвинулся, чтобы дать Хлебникову место* (А. Ремизов); объект «говорения», речи: *В соседней комнате пили кофе и говорили о штабс-капитане Полянском...* (А. Чехов). Приведенный здесь список не является замкнутым, его можно продолжить. Уже сама открытость данного списка, его потенциальная способность включать в себя все новые и новые типы, разновидности и варианты объектной семантики указывает на имеющиеся различия в характере семантической специализации субъекта и объекта.

В семантической специализации субъекта главную роль играет предикат. В активной конструкции ни синтаксическая позиция подлежащего, ни выступающая в ней морфологическая форма именительного падежа не несут информации о том, какой именно семантический тип субъекта реализуется в данной конструкции. Например, подлежащее *Человек в сером плаще* потенциально допускает реализацию любого из указанных выше типов (субъектных ролей), ср.: *...сел в автобус* — деятель; *...сидел на садовой скамейке* — носитель

состояния; ...*был добр и отзывчив* — субъект признака, качества; ...*оказался студентом медицинского института* — субъект классификации. Отсюда следует, что АК как средство реализации С ставит его в позицию «внеролевую», независимую, но принципиально открытую для любой семантической специализации, которая может быть сформулирована в предикате (о признаке независимости субстанции в характеристике субъекта см. [Бондарко 1978: 89]). Таким образом С в АК характеризуется отсутствием семантической специализации. Несколько иначе обстоит дело в пассивной конструкции, в которой наблюдается определенная семантическая специализация С. Семантика субъекта действия опирается на форму творительного падежа и позицию агентивного дополнения, например: *Жила в общежитии Мария Адольфовна вместе с напарницей, тоже пенсионеркой, в той самой комнате, что была оборудована под жилье той же самой Марией Адольфовной в конце лета и начале осени 1941 года...* (М. Кураев), а семантика субъекта состояния, связанная исключительно с формами СВ в ПК, опирается на именительный падеж и позицию подлежащего, например: *Двери все закрыты, на столе холодный самовар* (Е. Лебедев). Один из специфических аспектов субъектного содержания обнаруживается также в БК, в которых безличный предикат синкретно выражает семантику субъекта как среды проявления признака, например: *Ночью подмерзло, днем таяло* (М. Осоргин). В целом характеристика С в его отношении к семантической специализации выражается знаком «±».

Объектное содержание обнаруживает гораздо большую степень семантической специализации, чем субъектное. В частности, это выражается в обилии форм косвенных падежей в структуре грамматической категории падежа, выступающих как базовые средства реализации объектных типов. Следует заметить также, что выражение объектного типа может опираться не только на падежную форму, но и на предложно-падежное образование, что еще более увеличивает список возможных семантических ролей объекта. Укажем, например, на семантический тип «отсутствующего объекта», выражающийся с помощью предложно-падежного образования «без + форма родительного падежа»: *В старину избу строили без гвоздей*.

В ПК синтаксическая позиция подлежащего и выступающая в ней форма именительного падежа также являются показателями семантически специализированного О; это средства реализации прямого объекта. Существенно, что в выражении объектной семантики здесь принимают участие и формы НСВ (в случае СВ подлежащее способно обозначать субъект состояния): *В трех верстах от деревни Обручановой строился громадный мост* (А. Чехов). Таким образом, конкретная «ролевая» характеристика включается в область содержания объекта, и отношение О к семантической специализации должно быть оценено знаком «+».

Референтная отнесенность С и О

Мы остановимся лишь на одном аспекте различия в характере референтной отнесенности С и О, а именно на их способности соотно-

ситься либо с целым классом предметов действительности (случаи «общей» референции), либо с единичным представителем класса предметов (случаи конкретной референции). С такой точки зрения возможны четыре основных варианта референтной отнесенности С и О:

С	О
1. референт	референт
2. референт	класс
3. класс	референт
4. класс	класс

Например: 1) *Мать, родная мать, можно сказать, толкнула ее в руки Владика* (Ф. Абрамов); 2) *...Олена Даниловна стала рассказывать, как она еще смолоду, живя послушницей в монастыре, любила птах и всякую живность* (Ф. Абрамов); 3) *Жалоба, пущенная по рукам, читалась и перечитывалась* (С. Сергеев-Ценский); 4) *Кобыла вздыхает, а траву хватает* (В. Даль).

Следует сразу же заметить, что реализация третьего варианта референтной отнесенности в русском языке встречает некоторые затруднения. Иначе говоря, в случае референтности О С, как правило, также должен обладать конкретной референтностью. Требование обобщенности С при конкретном О состоит в том, что С должен соотноситься не с конкретным и известным представителем класса предметов или лиц, а с предполагаемым и вероятным его представителем. Если таких вероятных представителей имеется некоторое множество, то можно говорить об определенной степени обобщенности С, однако, как мы видели из третьего примера, эта обобщенность носит потенциальный характер, а сам класс задается не пресуппозитивно, а «выводится» из содержания высказывания по признаку «все, кто выполняет данное действие». В таких сложных условиях реализуется третий вариант референтной отнесенности в ПК. Наиболее ярко этот вариант обнаруживается в случаях так называемого пассивно-качественного значения формы НСВ страдательного залога, например: *Эти конфеты с трудом раскусываются*, где класс субъектов действия очерчивается признаком «все, кто захочет совершать данное действие». Ср. также случаи передачи указанного варианта в активных конструкциях глаголами эмоционального отношения: *Все восхищаются тобой*.

Признак референтной отнесенности С и О носит градуальный характер и не может быть оценен в знаках «+» и «-». Оценивая референтную отнесенность С и О, мы можем лишь указать, что при прочих равных условиях С является «более референтным», чем О. Или, иначе, при переходе от конкретнореферентных высказываний к общереферентным высказываниям референтность О «падает» быстрее, чем референтность С.

Приведенные характеристики С и О не претендуют на полноту и всеобъемлющий характер. Их задача в другом: обнаружить и продемонстрировать существенные связи С и О с грамматической семантикой предиката в рамках субъектно-предикатно-объектного единства.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д.* Принципы описания значений грамем // Типология конструкций с предикатными актантами. Л., 1985.
- Арват Н. Н.* Семантическая структура безличных предложений в современном русском языке: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1976.
- Бондарко А. В.* Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976.
- Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Бондарко А. В.* Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопросы языкознания. 1985. № 1.
- Булыгина Т. В.* Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. М., 1980.
- Вахтин Н. Б.* Синтаксис простого предложения эскимосского языка. Л., 1987.
- Ермолаева Л. С.* Иерархия грамматических категорий глагола в языках различных типов // Типология грамматических категорий. Л., 1991.
- Золотова Г. А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.
- Козинский И. Ш.* О категории «подлежащее» в русском языке // Предварительные публикации. М., 1983. Вып. 156.
- Козинцева Н. А.* Число имени как аспектуально релевантный фактор // Синтагматические и парадигматические связи языковых единиц и категорий (на материале разносистемных языков). Таллинн, 1991.
- Путьнин Ю. А.* О типах субъекта в русских активных и пассивных конструкциях // Функциональный анализ грамматических форм и конструкций. Л., 1988.
- Путьнин Ю. А.* Активность / пассивность во взаимосвязях с другими функционально-семантическими полями // Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб., 1991.
- Путьнин Ю. А.* Безличный предикат и субъектно-объектные отношения в русском языке // Вопросы языкознания. 1992. № 1.
- Ревзин И. И.* Об иерархии грамматических категорий славянских языков (на примере категорий имени существительного) // Советское славяноведение. 1969а. № 3. Сопряженность глагольных категорий. Калинин, 1990.
- Храковский В. С.* Взаимодействие грамматических категорий глагола (Опыт анализа) // Вопросы языкознания. 1990а. № 5.
- Ярцева В. Н.* Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий. М., 1975а.
- Keenan E. L.* Towards a universal definition of «subject» // Subject and topic / Ed. by Ch. N. Li. New York, 1976.
- Langacker R. W.* Noun and verbs // Language. 1987. Vol. 63, N 1.

Напечатано в книге:

Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А. В. Бондарко. — Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 1996. — С. 144—152.